

КОНСТАНТИН ГЕННАДЬЕВИЧ ТАРАСОВ

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы филологического факультета ПетрГУ
kogetar@yandex.ru

ИЗ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ В. И. ДАЛЯ
(П. Г. Редкин. Письма В. И. Далю. Публикация.
Вступительное слово и комментарии К. Г. Тарасова)

Публикуемые письма П. Г. Редкина В. И. Далю хранятся в отделе рукописей ИРЛИ. Письма ранее не были предметом изучения исследователей и не печатались. Тем не менее представленные материалы являются еще одним достоверным источником к изучению биографии В. И. Даля.

Ключевые слова: рукописные источники, переписка, изучение биографии, перевод Библии

В рукописном отделе ИРЛИ в Санкт-Петербурге хранятся письма Петра Георгиевича Редкина к Владимиру Ивановичу Далю (Ф. 27.382). П. Редкин (1808–1891) – известный юрист. Учился на этико-политическом отделении Московского университета. В 1828 году он вместе с Н. Пироговым и другими выпускниками российских университетов был послан в Дерпт для подготовки к профессорскому званию. По-видимому, именно в Дерпте П. Редкин познакомился с В. Далем, который, как известно, поступил в Дерптский университет в 1826 году, а в январе 1828-го был принят в число казенных воспитанников медицинского института при этом университете [1; 40]. В письме от 18 апреля 1849 года В. Даль назван П. Редкиным «товарищем юности». В 1835 году П. Редкин вернулся в Россию, был признан доктором права и назначен в Московский университет. Профессорская деятельность в Москве, длившаяся до 1848 года, принесла П. Редкину широкую популярность. С 1849 года он служит секретарем при товарище

министра уделов графе Л. Перовском. Этим годом датировано первое из публикуемых писем, в котором автор благодарит В. Даля за то, что тот заботится о нем, не забывает и считает П. Редкина «достойным занять его место». В 1863 году осуществилась заветная мечта П. Редкина, всегда чувствовавшего в себе звание профессора: он возглавил кафедру энциклопедии права в Санкт-Петербургском университете. С 1873 по 1976 год П. Редкин служит ректором этого университета.

Письма П. Г. Редкина В. И. Далю ранее не были предметом самостоятельного изучения, не возникал и вопрос об их публикации. Между тем они заслуживают самого пристального внимания по ряду причин. Во-первых, это достоверный источник к изучению биографии В. И. Даля, во-вторых, в письмах, бесспорно, отражены общественные, политические и литературные споры эпохи и факты эпохи, и, наконец, в-третьих, публикуемые письма подтверждают тот факт, что В. И. Даль действительно создал (или создавал) не обнаруженный пока далеведами «важный

и прекрасный труд», как его назвал П. Г. Редкин. Речь идет о переложении Библии на «понятия русского простонародья». П. И. Мельников-Печерский вспоминал, что по завершении работ над Словарем Даль переложил Моисеево Пятикнижие, а также намеревался «пройти всю Библию» подобным образом, начав с Евангелия [2; 333–337]. 16 декабря 1857 года Т. Г. Шевченко сделал в своем дневнике запись, также свидетельствующую о подобной работе: «...мы с Владимиром Ивановичем между разговором коснулись как-то нечаянно псалмов Давида и вообще Библии. Заметив, что я равнодушен к библейской поэзии, Владимир Иванович спросил у меня, читал ли я Апокалипсис. Я сказал, что читал, но, увы, ничего не понял; он принялся объяснять смысл и поэзию этой вдохновенной галиматрии. И в заключение предложил мне прочитать собственный перевод Откровения с толкованием и по прочтении высказать свое мнение...» [3; 170]. Из писем П. Г. Редкина становится известно, что в сентябре 1866 года их автор как член негласного комитета, «учрежденного Великой Княгиней Еленой Павловной для распространения в нашем народе всякого рода назидательных и полезных книг», читал начало нового далевого труда – «Библейское бытописание» – и советовал В. И. Далю «довести его до Моисея», чтобы «можно было напечатать отдельной брошюрой». В марте 1867 года рукописи по поручению И. Т. Осинина читает баронесса Раден, которая в апреле этого же года обещает П. Г. Редкину вернуть рукопись автору. Вернулась ли рукопись В. И. Далю или она так и осталась у фрейлины княгини Елены Павловны – неизвестно. Письмо И. Т. Осинина П. Г. Редкину, хранящееся вместе с публикуемыми письмами, подтверждает, что именно автор передал «статьи Г. Даля» баронессе Э. Ф. Раден, «желавшей познакомиться с их содержанием».

При публикации писем мы стремились максимально сохранить особенности оригиналов с учетом требований современной орфографии и пунктуации.

1

18 апреля 1849, Москва

Христос воскрес!

Твое письмо долго блуждало, пока попало в мои руки. Виною праздники и неправильный адрес. Между тем пришло время возвращения брата моей жены, подателя этого ответа, Юрия Васильевича Гарве.

Запрос твой много мне доставил отрады. Ты не забываешь меня, заботаешься о моем настоящем и будущем, веришь в неизменность моих убеждений и правил, считаешь товарища твоей юности достойным занять твое место, словом, поступаешь со мною, как бы с одним из ближайших и лучших друзей, – и все это так просто и деликатно. Может ли это пройти, не оставив на мне сильного впечатления? Чем менее могу

выразить пред тобой мою благодарность, тем более чувствую, что отныне навек я привязан к тебе всеми силами моей души, каков бы, впрочем, ни был результат нашей переписки.

Я не могу не быть с тобой вполне откровенным. Незадолго пред моим добровольным удалением из университета, где взятки, позор, интриги восторжествовали над правдою и прямою, люди, знавшие меня по одной репутации, предложили мне место инспектора классов Александринского Сиротского Института вакантное после известного И. И. Давыдова. Долго я отказывался, наконец принял это место, особенно убежденный графом Строгановым. В июле прошлого года, совсем вышедши из университета, вместе с Кавелиным и Коршем, я остался при одном этом месте. Оно начало удовлетворять меня, особенно с тех пор, как наш Институт преобразован был в юридическое заведение. Я решился привести в действие это преобразование и не оставлять своего места, пока заведение, обновленное и определившееся в своем назначении, не будет мною вдвинуто в свойственную себе колею, думая даже, что противный поступок был бы неблагодарностью к призвавшим меня на новое дело.

А потому два раза я уже отказывался от перемещения на другие, по-видимому, выгоднейшие места. Конечно, получаемое мною содержание само по себе не велико, всего 1,610 руб. сер.; но отличная квартира, да еще в виду, менее нежели через 8 лет, полная пенсия в 1,100 руб. сер. Притом как ни многосложны мои занятия по Институту, они оставляют мне еще довольно свободного времени для собственных дел, как хозяйственных, по управлению Малороссийским моим имением, так и ученых и литературным. Ежегодно в летние вакации могу отправляться месяца на два в Малороссию, где личное присутствие мое бывает необходимым, по смерти моего отца, для имения. Твое место блестяще по содержанию, но спрашиваю тебя по совести: 1) есть ли в виду близкая и достаточная пенсия, или же и для него действует то, что для всех *<нрзб.>* – гражданской службы, т. е. пятнадцатилетний срок и ничтожная потом пенсия? 2) много ли свободного времени остается для собственных занятий и есть ли возможность уезжать ежегодно в имение на летние вакации? 3) соединена ли с этим местом важная в Петербурге статья, квартира? 4) до того ли это место *inamovible*, чтобы по крайней мере не зависеть от чистых случайностей? и 5) может ли моя деятельность принести существенную пользу, – не мне и не отдельным лицам, а целому сословию?

Прямое и ясное решение этих вопросов будет довершением того, что сам ты начал. С нетерпением буду ждать твоего ответа.

Еще раз принеся полную, искреннюю тебе благодарность, остаюсь неизменно твоим другом
Петр Редкин

Адрес мой: Е. Вкрод. Петру Григорьевичу Редкину; в Москве, на Знаменке, в Александринском Институте.

Кланяйся всем Твоим.
Напиши свой адрес: я забыл.

2

10 февраля 1862, СПб.

Ее Императорское Величество Великая Княгиня Елена Павловна дозволила учредить, из весьма немногих лиц, в числе которых и я, неофициальный и негласный комитет для распространения в нашем народе всякого рода назидательных и полезных книг. Почитая Тебя за чрезвычайного знатока русского языка и русского народа и за одного из даровитейших наших народных писателей, Она изволила поручить мне обратиться, от Ее имени, к Тебе с настоятельной просьбою: написать для нашего рода сочинение в каком Тебе угодно будет роде, не связывая Тебя ничем: ни предметом и обширностью труда, ни временем, с всем вознаграждением, какое Ты наперед сам назначишь.

Ее Высочество вполне убеждена, что ты ни в каком случае не откажешься помочь Ей в таком добром деле и не замедлишь употребить досуг свой к достижению Ее благих целей и намерений. Уже теперь Ты мог бы дать многое из изданных Тобою сочинений, с переделкою и без ней, по Твоему усмотрению, в распоряжение Ее Высочества, пока соберешься с временем (не говорю – с силами: запасы Твои, знаю, неистощимы), чтобы написать что-либо новое или и старое, да на новый лад.

Грешно будет Тебе, друг мой, отказаться от такой деятельности и такого предложения.

Читаю сплошь и рядом Твой Толковый Словарь и восхищаюсь. Мне пришло на мысль при этом, как было бы полезно сделать из него краткое извлечение собственно для народа нашего, с тем, чтобы он мог справляться в нем для объяснения себе темных или вовсе непонятных для него слов, встречающихся ему в его обыденной жизни. Но в таком случае порядок следовало бы, кажется, изменить на чисто азбучный, для удобства скорой справки. Впрочем, я думаю, что и в издаваемом теперь Тобою Словаре ты приложишь, в конце, список всех слов в азбучном порядке, с ссылкой на толковый порядок.

Наш Председатель на днях уезжает за границу на 9 месяцев. В его отсутствие будет управлять нами Гр. Ю. И. Стенбок.

Чивилева давно не видели, не знаю, что он здоров.

И я также здоров – телесно, ты – как, твоя добрая жена и твои славные дети?

Мои детки радуют меня также; не скажу – утешают: утешение для меня не здесь, а там.

В ожидании от Тебя скорого и положительного ответа для доклада Ее Высочеству остаюсь Твоим верным другом

П. Редкин

3

23 апреля 1862, СПб.

На этих только днях я нашел удобный случай доложить о Твоем отказе, а потому и не писал тебе до сих пор. Разумеется, я выставил все Твои несомненные доводы в таком свете, что нельзя было не поверить им, и оставалось только жалеть и очень жалеть. Впрочем, как теперь выяснилось, что намеренье издавать для чтения народа брошюры даже меньше, чем в один печатный лист, то я, с своей стороны, все-таки не теряю надежды, по малороссийскому упрямству или, лучше сказать, настойчивости, что Ты когда-нибудь сделаешь нам сюрприз (как бы выразить это по-русски одним метким словом?). Выяснилось и то, что будут платить автору с листа крупной печати по 50 рубл. плюс неуставленные еще пока проценты с каждого экземпляра. На меня возложено теперь все ведение этого дела или, правильнее, главное заведывание этим полезным делом. Великая Княгиня изволит уезжать отсюда за границу 5го Мая.

За сборник пословиц и проч. великое спасибо – и от себя, и от всей братии русских правоведов, историков и филологов. Система превосходная для справок, а о богатстве и говорить нечего. Это заслуга вечная для нашего большого отечества. Но в этом отечестве есть еще и родина моя (кажется, и твоя) – Малая Русь. Ведь и для нее собирал Ты, кажется, и пословицы, и слова, а кто же будет обрабатывать и издавать это собрание? Если Ты передал свои сокровища кому-нибудь с этою целью, то почему до сих пор они лежат под спудом? Около «Основы» образовался целый кружок малорусских писак; они с восторгом бросились бы на эту чудную добычу.

О невыдаче Тебе жалования за один месяц никто не мог мне здесь дать никакой справки. Наконец явился сюда Маслов; я спросил его и узнал от него, что дело уже уладилось. Так ли?

Твоей жене и детям низенький поклон и пару слов от Твоего друга.

П. Редкин

4

27 декабря 1865, СПб.

На предложение твое, любезный друг Владимир Иванович, я не откликался до сих пор в надежде, что наш Комитет скоро соберется и, по заведенному порядку, внесет, от своего имени, свое заключение Великой Княгини Елены Павловны. Но Ее Высочество еще не изволила созывать нас, а между тем письмо остается неотвеченным. Хотя я и не могу сказать Тебе от себя ничего положительного; но, судя по выраженному <нрзб.> Великой Княгиней сильному желанию приобщить твое участие в деле издания народных книг, пола-

гаю, что твое предложение будет принято с отличным вниманием и с чрезвычайно благодарностью. Лишь только выйдет какое-либо решение, я не премину немедленно известить Тебя.

С окончанием великого дела поздравляю от души и Тебя, и всю Россию. Подобного Словаря никто, кроме Тебя, не был бы в состоянии составить. Дождемся ли мы, малороссы, чего-либо подобного? Подвинь-ка и это дело своею энергическою рукою!

Вот я так все не решаюсь издать свои лекции: все ими недоволен сам я, хотя и слышу, что довольны все другие; все хотелось бы лучше и лучше; или уже предоставить издание их в виде <нрзб.>. Впрочем, за приготовлением к лекциям, беспрестанно усовершенствующих, нет времени заняться их обработыванием для печати. Вот если Бог продлит мою жизнь, то приготовлю себе преемника по кафедре и, распростившись с Департаментом, примусь за дело на свободе. Прежде всего хотелось бы мне обработать и издать Историю философии права, но в другом виде, нежели как обыкновенно издаются подобные сочинения, что может быть выражено хоть таким заглавием: «Людские думы о праве и справедливости».

И мне, как и Тебе, Бог дает радоваться детками. Но нет у меня той, с которой я мог бы делить мои радости. Да будет воля Твоя!

Твой друг П. Редкин

5

22 мая 1866, СПб.

Великая Княгиня Елена Павловна на днях поручила мне много благодарить Тебя за твой вызов и написать Тебе, что Ее Высочество будет Тебе премного благодарна за всякое сочинение, которое ты напишешь для русского народа, но в особенности Она просит Тебя написать рассказ из народного быта такого рода, которым объяснялась бы какая-либо народная пословица с нравственным содержанием. Ожидаю Твоего ответа.

Погода у нас настала такая, что мы переехали на дачу, именно в Петергоф, в особенности для так называемых морских купаний.

По случаю отъезда нашего председателя, гр. Ю. И. Стенбока, и этим летом я не могу воспользоваться, чтобы съездить в Малороссию. Зато в будущем году надеюсь побывать там, если Богу будет угодно продлить мою жизнь и даровать мне здоровье. Тогда, проездом через Москву, надеюсь увидеться и с Тобюю.

Свидетельствуй почтение Твоей супруге и кланяйся Твоим деткам.

Друг Твой П. Редкин

6

18 сентября 1866, СПб.

С большим удовольствием прочли мы внимательно начало твоего нового важного и пре-

красного труда и решили просить Тебя о его продолжении. Для того чтобы можно было напечатать отдельной брошюрой, необходимо, чтобы Ты довел его теперь же до Моисея, чем и будет закончен так называемый дозаконный период Библейского бытописания.

При этом вовсе не следует Тебе сомневаться насчет духовной цензуры. Все одобренное нами пропускается всякою цензурою.

Только мы сами держимся строго правила, чтобы изданное нами для народа являлось в свет в возможно совершенном виде. А потому надемся, что и Ты позволишь нам исправить некоторые немногие и мелкие недосмотры. Так, напр., мы нашли, что нельзя сказать: «Ветхий Завет или Библия», здесь под Библией разумеется все священное Писание; а также: «Новый Завет или Евангелие», а в Новом Завете не одни только Евангелия. Так, ты говоришь: «Создав мир наш и человека, Господь творил шесть дней, а на седьмой окончил», – по Библии же окончил уже в шестой день, а на седьмой перестал творить. Так, ты написал: «Авраам поднял очи – и перед ним стоял козел» и проч.

Итак, продолжай смело, и на этот раз дойди до Моисея, – и мы не замедлим оттиснуть.

Но все-таки не можешь ли ты еще написать для народа же и рассказ нравственный, которого темой была бы какая-нибудь народная пословица. Этого именно просит от тебя Великая Княгиня для издаваемого ею народного календаря. Конечно, в этом году, <нрзб.> календарь следующего за сим года, твой рассказ поспеть не может; но если ты пришлешь его в первой половине будущего года, то он будет помещен в Календарь на 1868^й год. Размер твоего рассказа определяется самим его назначением для Календаря: листа два печатных будет уже довольно. Гонорарий остается прежний, т. е. пятьдесят рублей за печатный лист. Что ты на это скажешь?

Не знаю, кто принес мне твои статьи «Библейское бытописание» при письме. Меня не было дома. Принесшему сказали то же, что говорится прислугою моею всем незнакомым: «Можем-де принять, но воскресным вечером».

Твой П. Редкин

Напиши свой адрес, а то я адресую Тебе набум.

7

15 марта 1867, СПб.

Сегодня вечером в 7^м часу получил я прилагаемое при сем в подлиннике письмо от профессора здешней Духовной академии Осинина и сегодня же препровождаю к тебе это письмо для того, чтобы ты сам вывел из него заключение. Но в нем заключается много такого, что требует подробного истолкования. В этом толковании и будет состоять мое письмо.

Из него ты усмотришь, что я сделал запрос о Твоих статьях Г. Осинину. Это потому, что наш

негласный Комитет как начали, так и окончили негласно. Я все ждал, когда его соберут, ждал с начала прошедшего года; но его не созывали до сих пор, – и только теперь, как ты читаешь, идет речь об его открытии. В таких обстоятельствах я обратился к Г. Осинину, которому Великая Княгиня поручала издание Календаря. До сих пор он не отвечал мне ничего, кроме записочки о скором ответе, о которой я упомянул в последнем моем к Тебе письме.

Календарь, как ты видишь, также едва ли возобновится. След. и тут поступай, как знаешь, насчет статьи для него, о которой тебя так настоятельно просили.

Рукописи твои, по наставлению Г. Осинина, читает баронесса Раден. Это фрейлина Ее Высочества.

Я именно просил Г. Осинина написать мне такое письмо, которое я мог отправить к Тебе в подлиннике. Этим и объясняется настоящее его отправление.

Наконец, ты спросишь меня, может быть: Почему я сам не попросил лично ответа? Просто потому, что я считаю своим долгом являться во дворец только тогда, когда мне приказывают; а мне таких приказаний не приходило вот уже почти целый год. Что касается до Г. Осинина, то он бывает там часто, и именно по делам, относящимся до изданий.

После этого, надеюсь, ты не станешь меня винить в том, в чем я решительно не виноват.

Что думаешь творить, то твори.

8

14 января 1868, СПб.

Благодарю Тебя за поздравление с Новым годом и отвечаю Тебе тем же. Но долго ли нам еще придется обмениваться такими поздравлениями? Все чаще и чаще падают в битве с жизнью наши товарищи и сверстники. Дойдет и до нас очередь. Ее можешь ты ожидать спокойно, среди взрослых детей и исполнивши так блестяще задачу жизни. А мои детки еще только подростки. Даже старшей дочери едва минуло 17 лет, а младшей всего 10. В середине стоит сын 14 лет, далеко не крепкого здоровья. Профессорство же мое не долго будет поминаемо, хоть на него и положил я всю свою душу.

Ты пишешь, что сидишь теперь без дела, и вот мне приходится узнать от Тебя: что же делается с началом Твоего нового великого труда, с Библейской историей? Ты не упоминаешь даже, получил ли Ты, наконец, свою рукопись обратно. На проводах за границу больного Ник. Ал. Милютина встретился с фрейлиной Великой Княгини Елены Павловны, г-жою Раден, и спросил ее: не знает ли она что-нибудь о судьбе Твоей рукописи, давно попавшей во дворец и оттуда до сих пор не возвращающейся? «Она теперь у меня, я ее читаю», – отвечала г-жа Раден. – «Но Вы скоро уезжаете с Великой Княгиней за границу; успеете ли до того времени окон-

чить?» – спросил я не без некоторой едкости. Она поняла и обещала, что на днях рукопись будет возвращена Тебе. Это было весною, в апреле. Так как Ты не упоминаешь теперь об ней ни слова, то я заключаю, что слова мои подействовали, и рукопись действительно возвращена Тебе. Но, спрашиваю, с каким ответом, или же без всякого ответа, и что ты затем предпримешь с нею? Грех было бы Тебе не окончить и этого великого дела.

О твоем предложении продать землю Твоей тещи в Уфимской губернии докладывал я нашему председателю, гр. Ю. И. Стенбоку. Он поручил мне написать Тебе отказ в самых вежливых формах, что я и исполняю. Имения-де покупаем мы теперь преимущественно в губерниях южных – Полтавской, Харьковской, Екатеринославской, Киевской и Подольской; а если нам что дарят, хотя и на краю света, то не отказываемся принять.

Поклон, да пару слов Твоей супруге и детям от твоего друга.

П. Редкин

9

15 марта 1867. Получено.

Милостивый Государь,
Петр Григорьевич!

Усерднейше прошу Вас извинить, что я до сих пор ни устно, ни письменно не дал Вам ответа на Ваш запрос о статьях Г. Даля. Причина моего молчания заключалась в том, что я рассчитывал на возможность заодно сообщить Вам что-нибудь определенное по вопросу о том, будут ли эти статьи напечатаны и понадобится ли продолжение их. Я надеялся притом найти свободный часочек, чтобы заглянуть к Вам и лично выразить Вам свое сожаление, что Вы не застали меня дома.

Статьи Г. Даля – почти немедленно по получении их отданы мною Баронессе Э. Ф. Раден, желавшей познакомиться с их содержанием. Что же касается до того, будут ли они напечатаны и на каких именно условиях, то я об этом еще ничего не знаю. Идет речь об открытии нашего прежнего комитета по изданию народных книжек; но состоится ли это дело или нет, – опять-таки не знаю. Издание Календаря едва ли возобновится, как по недостатку сотрудников, так и по разным другим причинам.

Постараюсь непременно в скором времени побывать у Вас; мне очень хотелось бы с Вами переговорить о разных разностях.

Покудова простите и примите уверение в искреннем почтении и совершенной преданности Вашего покорного слуги

И. Осинина

Ниже мы поясняем некоторые имена и названия, встречающиеся в публикуемых письмах.

Давыдов Иван Иванович (1794–1863). Долгое время был профессором латинской словесности и философии в Московском университете. С 1831 года, после смерти А. Ф. Мерзлякова, занял кафедру русской словесности.

Кавелин Константин Дмитриевич (1818–1885). С 1835 года учился сначала на философском, затем на юридическом факультете Московского университета, где уже читал лекции П. Г. Редкин. Весной 1848 года К. Д. Кавелин вынужден был оставить Московский университет вследствие резкого столкновения с профессором Н. И. Крыловым, который с 1835 по 1872 год возглавлял кафедру римского права, и переехал в Санкт-Петербург. Затем К. Д. Кавелин служит в Министерстве внутренних дел, затем начальником учебного отделения в штабе военно-учебных заведений. В период 1848–1857 годов часто печатался в журналах «Современник» и «Отечественные записки» со статьями по истории, этнографии и правоведению. В 1857 году К. Д. Кавелин был приглашен на кафедру гражданского права в Петербургский университет, который оставил в конце 1861 года.

Корш Валентин Федорович (1828–1883) – талантливый журналист и историк литературы. Был помощником редактора и редактором «Московских ведомостей». Когда издание перешло К. Каткову, уехал в Санкт-Петербург, получил там в аренду «Санкт-Петербургские ведомости» и привлек к ним лучших журналистов того времени. Позже редактировал газету «Северный вестник» и журнал «Заграничный вестник». Под редакцией В. Ф. Корша вышли первые 15 выпусков (1880–1883) капитального труда «Всеобщая история литературы, составленная по источникам и новейшим исследованиям при участии русских литераторов и ученых». Самому В. Ф. Коршу в этом издании кроме массы примечаний принадлежит обширное «Введение», а также очерк истории греческой литературы.

Милютин Николай Алексеевич (1818–1872) – русский государственный деятель. С 1835 года служил в Министерстве внутренних дел. С 1859 года – товарищ министра внутренних дел, фактически руководитель работ по подготовке Кре-

стьянской реформы 1861 года. В годы Польского восстания 1863–1864 годов направлен в Польшу для подготовки реформ. В 1864 году назначен статс-секретарем по делам Польши и управляющим гражданской частью канцелярии генерал-губернатора в Варшаве. С 1867 года по болезни отошел от государственной деятельности.

«*Основа*» – первый украинский общественно-политический и литературно-художественный журнал. Издавался ежемесячно в Петербурге с января 1861 года по сентябрь 1862-го. Редактор – В. М. Белозерский. Часть материалов печаталась на русском языке. Журнал сыграл значительную роль в развитии украинской культуры. На его страницах были опубликованы на украинском языке произведения Т. Г. Шевченко, Марко Вочка, Л. Глибова, С. Руданского и др., материалы по украинской истории, этнографии, народному творчеству.

Раден Эдита Федоровна (1825–1885) – баронесса, одна из замечательнейших и образованнейших женщин высшего русского общества, фрейлина княгини Елены Павловны.

Строганов Сергей Григорьевич (1794–1882) – граф, генерал-адъютант, член Государственного совета. В 1831–1834 годах исполнял обязанности военного губернатора в Риге и Минске. В 1835 г. назначен попечителем Московского учебного округа. После Севастопольской кампании служил московским военным генерал-губернатором, а в середине 60-х годов – председателем комитета железных дорог.

Чивилёв Александр Иванович (1808–1867) – русский государственный деятель, политэконом. В 1828 году, как и П. Г. Редкин, был послан в Дерпт для подготовки к профессорскому званию. В 1835 году назначен адъюнктом в Московский университет по кафедре политической экономии и статистики. С 1849 года служил в Министерстве уделов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Эпистолярное наследие В. И. Даля», проект № 09-04-00450а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грот Я. К. Воспоминания о В. И. Дале (с извлечением из его писем); Воспоминания о П. П. Пекарском // Сб. Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. 1873. Т. 10. № 9. С. 35–54.
2. Мельников П. Воспоминания о Владимире Ивановиче Дале // Русский вестник. 1873. Кн. 3. С. 275–340.
3. Шевченко Т. Г. Дневник // Шевченко Т. Г. Собр. соч.: В 5 т. М., 1965. Т. 5. С. 13–243.